

## Киплинг

День-ночь, день-ночь  
Мы идем по Африке.  
День-ночь, день-ночь...  
Все по той же Африке.

Я иду по Одессе. В голове у меня крутится песня на стихи английского писателя Радиарда Киплинга. Сейчас все туристы ее поют. Я захотел увидеть подлинный текст этих стихов, воспользовался отпуском в Одессе и заглянул в библиотеку имени Ленина (теперь Грушевского), благо там у меня сохранились хорошие отношения еще со студенческих времен.

Мне пришлось долго уговаривать незнакомую женщину-библиотекаря в читальном зале выдать бесценный единственный томик стихов Киплинга, что-то, кажется, 1924 года издания. Я прождал больше получаса, пока нужную мне книгу разыскали в хранилище и выдали мне со всякими оговорками — "Не больше чем на полчаса!".

Я схватил драгоценный раритет и помчался к столу. Заглянул в оглавление, нашел нужную страницу и развернул томик. Стихотворения "Пыль" не было. Я еще посмотрел в оглавление. Да, на такой-то странице должно быть оно. Снова открываю заветную страницу... Нет! И тут-то я заметил, что страница, которую я искал, кем-то аккуратно вырезана!

Не буду рассказывать о своем горе. И вот я иду по городу, миновал Троицкую, свернул на Екатерининскую, решил выйти к Старому базару, посмотреть на свою довоенную школу. Задумался... Вдруг кто-то меня окликнул: "Вадим!".

Смотрю, меня догоняет наша туристка Оля Лунёнок. Она как всегда улыбается, светлые в мелких колечках волосы, в руках огромный пук цветов.

"Помоги донести! Кажется, нам по дороге".

Я беру часть цветов, и мы продолжаем идти в сторону Старого базара. У последнего дома она тащит меня в дверь, затем вверх по лестнице, еще одна дверь, и мы у нее дома. В комнате суетятся туристы знакомые и незнакомые. Всем командует Боря Новиков. Увидев Олю, он расплывается в довольной улыбке.

"Вот вазы! Мы подготовили бутерброды!"

Следом за нами входят трое ребят с гитарой.

"Вот здорово! У нас целых две гитары! Садитесь за стол! Олечка,

на почетное место! Сегодня два праздника: Олин день рождения и конец похода!"

Все садятся. Кроме Оли еще две девушки, очевидно, чьи-то подруги. Первый тост, потом другой. Начинается "А помнишь...". Заново переживают подробности сложного похода. Настроены гитары и слышна модная песня:

"День-ночь, день-ночь  
Мы идем по Африке"...

Я говорю своему соседу о том, какой удивительный писатель был Радиард Киплинг, "Маугли", "Кошка, которая гуляла сама по себе", "Рикитики-тави" и еще изданное во время войны "Бегство белых гусар"! Да еще замечательное стихотворение "Пыль"! Мой сосед мне говорит:

"Не "Радиард" с ударением на последнем слоге, а "Редьярд" с ударением на первом. У нас о нем мало пишут, а ведь он был Нобелевским лауреатом".

Я этого, разумеется, не знал. В этот момент моего соседа попросили прочитать стихи, свои и чужие. Стихи были отменные. Я никогда раньше их не читал и не слышал. Потом меня спросили, где я был этим летом. Я сказал, что работаю на Харьковском тракторном, а в это лето меня отозвали с завода, и я целое лето работал в Изюме старшим инструктором туристского лагеря. У нас были походы от горы Кременец, упоминавшейся в "Слове о полку Игореве", через бывшее имение украинского поэта Гулака-Артемовского, родного дяди знаменитого оперного певца и автора оперы "Запорожец за Дунаем", тоже Гулака-Артемовского, потом в имении известного художника Семирадского, дальше вдоль реки Северский Донец при впадении притока Оскол, где при Борисе Годунове была крепость Цареворисов. Поход заканчивался в необычайно живописном месте — монастыре Святогорске, тоже на реке Северский Донец.

Время пролетело как-то незаметно. Спели туристский гимн "Глобус", начали расходиться. Боря Новиков незаметно отстал, чтобы отдельно простится с Олей.

Через тридцать лет я был в Киеве и зашел в киевский Дом ученых на Владимирской, чтобы повидать Бориса Александровича Горлицкого, руководителя тамошней секции туризма. Вижу: идет Ольга Луненок, жена Бориса Илларионовича Новикова, они оба доктора наук, профессора. У нее те же светлые волосы в мелких завитушках, но другая улыбка. Улыбка человека, знающего почем фунт лиха...

Гости на улице шумно прощались, о чем-то договаривались и расходились. Ко мне подошел мой собеседник и спросил:

"Пойдем по Преображенской?"

Мы пересекли темный Старый Базар. На пересечении Александровского проспекта я посмотрел налево, где в темноте между деревьями чуть виделся двухэтажный дом — моя довоенная 69-я школа. Еще прямо к Преображенской и завернули направо, продолжая разговор о стихах и поэзии. Мой спутник знал бесконечное число стихов разных авторов. Вспоминали Пушкина и Лермонтова, Жуковского и Некрасова, Блока и Брюсова, Есенина, советских Симонова и Суркова, и наших земляков Багрицкого и Кирсанова. Я был подавлен этим пиршеством красоты, а когда пришел в себя, оказалось, что мы стоим около дома Папудова и смотрим на ночных цветочниц. Они при виде прогуливающейся пары "делали стойку" и не отставали, пока у них не покупали букетик. Мы немного постояли и понаблюдали этих своеобразных торговек ночного города. Пришла моя очередь читать стихи. Я с удовольствием вспоминал Шевченко и Лесю Украинку, Франко и Гребинку, Глибова и Гулака-Артемовского (имение которого я недавно посетил), Сосюру. Я с благодарностью вспоминал моего школьного учителя Ивана Тимофеевича Черниговского, который меня приобщил к этой красоте.

Не помню, как, но мы сидели в Городском саду, и мой спутник читал стихи Милна и Шекспира в переводах Маршака, потом Гейне, а потом Виктора Гюго и Беранже. Тут и я включился: через две недели по приезде на работу на ХТЗ я купил отличный томик Беранже!

"...Когда она на сцене пела,  
Париж метал букеты ей.  
Она соперниц не имела...  
Подайте милостыню ей!  
Подайте милостыню ей..."

Когда мы повернули налево на Екатерининскую, мой спутник спросил меня, что мне говорит такое-то имя.

"Ничего".

"Жаль. Он был отменный крестьянский поэт!"

Он жил где-то в глубинке, поздно начал писать стихи, лирические и философские. Окружавшие над ним издевались. Как-то зимой он был найден в своей избе зарезанным. Тут были прочтены несколько превосходных стихов убитого. Я запомнил потрясающий поэтический образ:

"...В каждой снежинке  
Солнце свое!.."

Незаметно мы вышли на Екатерининскую площадь, и мой друг неожиданно прочел стихотворение (даже небольшую поэму) Редьярда Киплин-

га "Банджо". Конечно, я его слышал первый раз. Напомню, что означает это название. Банджо — народный струнный музыкальный инструмент, распространенный в Британии, Ирландии и в Штатах так, как в России балалайка. Отличие в резонаторе: у банджо он напоминает небольшой бубен, только без отверстий для звончков, и обратная сторона закрыта. А гриф напоминает балалайку, но с четырьмя струнами.

Это стихотворение, как и "Пыль", очевидно, относится африканскому периоду творчества Киплинга и содержит впечатления англо-бурской войны.

Последние строки прозвучали за спиной у Дюка.

"Солнце встает из-за моря!"

Мы молча пожали друг другу руки, и каждый пошел к себе домой. Часы на Думе показывали пять. Ночь пролетела как-то незаметно. Я отправился спать к себе на Жуковскую. Стихотворение я не запомнил.

Еще пара дней и мой ИТРовский отпуск (14 дней) окончился, и я уехал в Харьков.

И вот я стою у себя в бюро на третьем этаже Главной конторы за доской с кульманом, первой в левом ряду. Из моего окна видно, как внизу подъемным краном грузят трактора ДТ-54 по три на железнодорожные платформы, и их тихо тянет зеленый тепловозик. У меня настроение "хуже губернаторского". Я ничего не могу придумать по своему заданию. Вот и очередной лист оберточной бумаги, которую у нас употребляют вместо дорогого ватмана, летит в корзину. Я кноплю очередной лист. В бюро тихо. Двигаются над досками кульманы. Рядом с моим кульманом, в среднем ряду, лицом к комнате за столом сидит начальник нашего бюро Борис Иосифович Дашевский. Он как всегда зарылся в каких-то бумагах и считает на логарифмической линейке. В конце правого ряда молодая девушка-техник Неля Буда шуршит конфетными обертками. Ничего не выходит!

И вдруг! На правом конце листа появляется надпись: "БАНДЖО"! И почти без моего участия — сначала одно четверостишие, потом второе, третье... В них говорится о тяготах солдатской жизни. Я слева быстро черчу зигзаги. Каждый маленький прямой отрезок — это слог. Каждый зигзаг — это стих. Глядя на зигзаги, легче сделать стройным стихотворение. Первая строфа выправлена. Появляется рефрен. Теперь принимаюсь за вторую строфу. Над ней пришлось больше провозиться. Я подумал, что нужно сказать, кто посылает солдат на колониальную войну. Третья строфа вышла чуть-чуть коряво, но все же есть стихотворение! Под заголовком я написал: "Парафраз из Р. Киплинга". Отрезал бумагу со своим тво-

рением, спрятал в карман. И тут в коридоре раздался звонок — конец работы! Я иду домой. У меня отличное настроение. Зеленый тепловоз вывозит с территории эшелон с выработкой первой смены завода.

Придя домой, я перечитываю мое "произведение":

## **БАНДЖО**

### **Парафраз из Редьярда Киплинга**

Рояль в поход не возьмешь — тяжело,  
А скрипка боится росы.  
И только верный друг-банджо  
Нам скрасит привала часы.

Весь день в обозе трясется банджо  
Средь пуль и пайков, средь тряпья и штыков.  
А ночью... Бивачный костер готов,  
И снова звучит банджо.

О доме далеком звенит оно,  
Где дети и старая мать.  
Солдат за звуки ночного банджо  
Готов свою жизнь отдать.

Сегодня двое убито ребят.  
Победа далась нелегко.  
Уж не хозяин, другой солдат  
Нам станет играть на банджо.

Лианы сплелись, как клубки злых змей.  
Все больше солдатских могил день от дня.  
Банджо! От тоски защити меня  
Веселую песней твоей!

О доме далеком звенит оно,  
Где дети и старая мать.  
Солдат за звуки ночного банджо  
Готов свою жизнь отдать.

В туманном Сити подводят итог:  
Их акции вновь возросли!  
Зато солдат сотней дорог  
Идет, задыхаясь в пыли,

За море, в пустыню, к чертям на убой!  
Солдату счастье узнать не дано.  
В пожарах ночей шепнет друг-банджо:  
"Держись! Вернешься домой!"

О доме далеком звенит оно,  
Где дети и старая мать.  
Солдат не хочет, скажи ТЕМ банджо,  
За НИХ свою кровь проливать!

Вот и все... Да, я вспомнил, как звали того, кто был той ночью моим  
спутником: поэт Юрий Михайлик!

